

Экспорт услуг странами — участницами Европейского пространства высшего образования: уроки для России*

А. М. Погорельская

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

Для цитирования: Погорельская, А. М. (2024) 'Экспорт услуг странами — участницами Европейского пространства высшего образования: уроки для России', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40 (2), с. 273–299. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.207>

Статья посвящена оценке влияния участия в Болонском процессе на экспорт государствами образовательных услуг. Россия стремилась войти в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) не только для повышения качества образования, но и для стимулирования его экспорта за счет сопоставимости и взаимного признания дипломов и квалификаций. В сложившейся с февраля 2022 г. международной ситуации участие России в ЕПВО оказалось заблокировано, в свете чего возникли дискуссии о необходимости дальнейшего следования Болонским принципам. Становится актуальным определение возможных последствий выхода России из ЕПВО с точки зрения экспорта страной услуг в области высшего образования. Для этого в статье проводится анализ последствий участия стран в ЕПВО для масштабов студенческой мобильности и ее приоритетных географических направлений. Гипотеза состоит в том, что создание ЕПВО в целом способствовало укреплению его позиций на мировом рынке образовательных услуг, однако не изменило принципиально роли большинства стран-участниц, занимавших позиции как экспортеров, так и импортеров услуг в области высшего образования. В результате анализа было выявлено, что существование ЕПВО обеспечило рост совокупного экспорта образовательных услуг странами-участницами, но не привело к выравниванию национальных показателей студенческой мобильности, хотя и абсолютное количество, и доля иностранных студентов в большинстве этих государств выросли. С учетом роста количества проектов региональной интеграции в сфере высшего образования данное исследование призвано оценить и спрогнозировать их роль в развитии мирового рынка образовательных услуг. В практическом плане результаты исследования могут быть полезны при оценке региональных проектов образовательной интеграции, а также при разработке инструментов поддержки российского экспорта услуг в области высшего образования.

Ключевые слова: экспорт образовательных услуг, Европейское пространство высшего образования, постсоветское пространство, Россия, интернационализация, система высшего образования, международная студенческая мобильность.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 23-78-10036 <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>.

Введение

Количество получающих высшее образование в мире продолжает расти. Если в 1990 г. число студентов составляло почти 68 млн, то в 2022 г. их стало более 254 млн¹. Образование становится доступнее в большинстве стран мира, но не все системы высшего образования успевают за этими изменениями. Растут абсолютные масштабы международной студенческой мобильности, поскольку часть молодых людей не может или не желает получать образование в родных странах. Только за последние 20 лет число таких молодых людей увеличилось почти в три раза, с 2,13 млн (в 2000 г.) до 6,36 млн (в 2020 г.)², хотя доля их не превышает 3 % всех студентов в мире³.

В этих условиях возможности и желание государств финансировать сферу высшего образования сокращаются, а для вузов поиск дополнительных источников финансирования становится нормой (Альтбах, 2018, с. 60–62). Хотя высшее образование не перестает оставаться общественным благом (Marginson, 2011), в современном мире это также услуга, которая может быть оценена.

С 2021 г. в России на высшем уровне стал обсуждаться вопрос о формулировках, применимых в сфере образования. В частности, подвергся критике термин «услуги в сфере образования» как обесценивающий роль педагога в воспитании⁴, в связи с чем термин был исключен из закона «Об образовании в Российской Федерации»⁵.

Тем не менее объективный рост спроса на услуги в сфере высшего образования и желание университетов предоставлять данные услуги только при условии разделения затрат с получателями привели к формированию соответствующего мирового рынка. Он сегодня характеризуется растущей конкуренцией со стороны предложения. Почти половину мобильных в международном масштабе студентов принимают страны Северной Америки и Западной Европы (48,9 %)⁶, имеющие преимущество, обусловленное наличием престижных университетов, преподаванием на английском языке, масштабным финансированием науки и высшего образования и т. п. (Альтбах, 2018, с. 235–288). Такая популярность дает возможность успешно зарабатывать на экспорте услуг в области высшего образования.

¹ UNESCO UIS. (2022) *Enrolment in tertiary education, all programmes, both sexes (number)*. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=EDULIT_DS&popupcustomisetrue&lang=en# (дата обращения: 21.12.2023).

² UNESCO UIS. (2022) *Total inbound internationally mobile students, both sexes (number)*. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3806> (дата обращения: 14.07.2023).

³ UNESCO. (2022) *UNESCO Higher Education Global Data Report. Working Document*. P.29. URL: <https://cdn.eventsbase.com/www.whed2022.org/uploads/users/699058/uploads/e495a1b7b5b1b4f2cc227196e29eb3cad99bd7467526c298eead62396face19b2f594fd4ff24aeb0b1b63ae04a4ea8de8103.62b5dbbb8c01b.pdf> (дата обращения: 14.07.2023).

⁴ ТАСС. (2022) *Путин утвердил исключение из закона об образовании понятия “образовательная услуга”*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15216611> (дата обращения: 21.12.2023).

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. (2022) *Федеральный закон от 14.07.2022 № 295-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140031?index=1> (дата обращения: 21.12.2023).

⁶ Там же.

США — лидер по абсолютному количеству иностранных студентов в мире — в 2021/22 учебном году получили за счет экспорта образовательных услуг порядка 37,68 млрд долл. и обеспечили работой более 335 тыс. человек⁷. Помимо обучения студентов в рамках образовательных программ, предполагающих получение степени, развитые страны активно предлагают иные образовательные услуги, включая языковые курсы и возможность краткосрочной мобильности. Так, Великобритания в 2020 г. заработала на предоставлении образовательных услуг различного рода 25,6 млрд фунтов (около 32,8 млрд долл.)⁸. Со значительным отставанием по количеству иностранных студентов от США (около 1 млн чел.) и Великобритании (550 тыс. чел.) следуют Австралия, Германия, Россия, Канада, Франция, Китай, ОАЭ, Япония и Турция. Между ними идет борьба и за таланты, и за доходы от экспорта услуг в области высшего образования. Также конкурируют за абитуриентов в национальном и международном масштабах университеты, которые включились с 1980-х годов в гонку за места в различных рейтингах, чья методология, хотя и не лишена недостатков, зачастую играет роль «самореализующегося прогноза» (Gladwell, 2011).

Массовизация высшего образования и увеличение масштабов международной студенческой мобильности давят на национальные системы высшего образования, которые оказываются между молотом и наковальней при необходимости обучать все большее количество желающих, прививая им востребованные в глобальном масштабе навыки и умения и обеспечивая при этом высокое качество образования и исследований. Интернационализация высшего образования, предполагающая как увеличение масштабов академической мобильности, так и трансформацию «задач, функций и методов реализации высшего образования с целью повышения качества обучения и исследований» (де Вит, 2019, с. 25), становится довольно сложным и затратным делом не только для единичного университета, но и для отдельной национальной системы высшего образования.

Объединение усилий государств с целью упрочения своих позиций в мире — явление не новое. Примеры экономической интеграции почти во всех регионах мира являются тому свидетельством. Региональное сотрудничество в сфере высшего образования имеет аналогичные цели и эффекты. В пределах единого образовательного пространства возможно возникновение эффекта «большой страны», позволяющего странам-участницам в совокупности влиять на мировой рынок образовательных услуг. Такое изменение особенно выгодно малым странам, ранее не имевшим влияния на мировой рынок ввиду незначительности занимаемой ими доли. При создании единого образовательного пространства находящимся внутри него потребителям получать соответствующие образовательные услуги в его пределах становится удобнее, чем за его границами, за счет сопоставимости качества и цен, а также снятия барьеров. Такое пространство становится более привлекательным, чем образовательная система отдельно взятой страны, и для потенци-

⁷ Department of Commerce. (2023) *US Education Service Exports*. URL: <https://www.trade.gov/education-service-exports> (дата обращения: 03.05.2023).

⁸ UK Government. (2022) *UK revenue from education related exports and transnational education activity*. URL: <https://explore-education-statistics.service.gov.uk/find-statistics/uk-revenue-from-education-related-exports-and-transnational-education-activity/2020-releaseHeadlines-summary> (дата обращения: 14.07.2023).

альных внешних покупателей и инвесторов, то есть иностранных студентов, вузов и фондов.

Мировой рынок услуг в области высшего образования характеризуется многоуровневой конкуренцией: между университетами, странами и объединениями стран. При этом он остается очень дифференцированным как в международном плане, так и в пределах отдельной национальной системы высшего образования, где есть относительно сильные и слабые игроки с разнородным статусом, представляющие образовательные услуги разнящегося качества (Альтбах, 2018, с. 90). К региональной интеграции в сфере высшего образования с определенной долей условности можно применить определение, данное в свое время экспертами МГИМО, трактовавшими региональную интеграцию как «модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира» (Буторина, 2017, с. 18). Таким образом, интеграция в сфере высшего образования позволяет всей региональной группировке укрепить свои позиции на рынке услуг высшего образования, а отдельному ее участнику — улучшить свои стратегические перспективы.

Интеграционные инициативы в области высшего образования развиваются с 1980-х годов в различных форматах, включая:

- сетевые университеты-консорциумы (сетевые университеты ШОС, БРИКС, СНГ);
- региональные программы академической мобильности (Erasmus, а затем Erasmus+);
- гармонизацию образовательных политик группы государств (не самые удачные попытки подобной гармонизации предпринимались в рамках СНГ и ЕАЭС, с 2007 г. наблюдаются подобные усилия в рамках Африканского союза).

Однако обозначенные примеры ограничивались выборочным сотрудничеством, обусловленным его форматом — межвузовским или межгосударственным.

Болонский процесс, направленный на формирование Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), изначально должен был носить комплексный характер и обеспечивать включенность в эту инициативу как стран и их правительств, так и вузов и студентов. Хотя равномерного участия всех предполагаемых стейкхолдеров добиться не удалось в силу противоречий между общими и национальными приоритетами в сфере высшего образования, нарушений в коммуникациях и недостаточной разъяснительной работы, ЕПВО изначально планировалось как проект многоуровневого регионального сотрудничества⁹.

Термины «Болонский процесс» и «Европейское пространство высшего образования» зачастую используются взаимозаменяемо, но важно отметить, что разница между ними существует. Первый обозначает процесс создания ЕПВО и подготовки к вступлению в него государств путем проведения реформ и приведения национальной системы высшего образования в соответствие с Болонскими принципами, заявленными в одноименной декларации 1999 г. Европейское пространство высшего образования стало итогом проведения реформ и гармонизации систем высшего образования первых 29 европейских государств-членов, подписавших Болонскую

⁹ European Higher Education Area. (2015) *The Bologna Process Revisited: The Future Of The European Higher Education Area*. URL: https://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2015_Yerevan/71/1/Bologna_Process_Revisited_Future_of_the_EHEA_Final_613711.pdf (дата обращения: 26.07.2023).

декларацию: от Португалии на западе до Румынии и Болгарии на востоке, от Финляндии на севере до Италии и Греции на юге¹⁰. Позже государства, желавшие вступить в ЕПВО, присоединялись к Болонскому процессу и по итогам имплементации его принципов должны были приниматься в ЕПВО. Однако степень выполнения Болонских принципов до сих пор различается между 49 актуальными участниками ЕПВО, расширившимися до Турции, Закавказья и Центральной Азии (Казахстана, в частности).

Количество исследований по регионализму в сфере высшего образования растет как в мире, так и в российской науке (Verger and Herme, 2010; Chou and Ravinet, 2017; Knight and Woldegiorgis, 2017; Лескина, 2021). Несмотря на широкий круг работ по проблематике именно Европейского пространства высшего образования, чаще всего его изучают в контексте влияния на политику отдельных стран-участниц (Gille-Belova, 2015) или государств за его пределами (Chao, 2011; Zahavi and Friedman, 2019; Asderaki, 2019). Исследований оценки влияния ЕПВО на экспорт услуг высшего образования почти нет, за некоторым исключением (Rincón and Barrutia, 2017). Встречаются работы, посвященные анализу последствий присоединения к ЕПВО отдельных стран постсоветского пространства, однако они концентрируются на вопросах соответствия их систем высшего образования Болонским принципам (Титаренко и Заславская, 2020), обеспечения надлежащего качества высшего образования (Bischof, 2018) и влияния на институциональный ландшафт систем высшего образования соответствующих стран (Huisman, 2019).

Сложность оценки влияния Болонского процесса на экспорт образовательных услуг обусловлена тем, что сбора и публикации данных о финансовых показателях экспорта услуг в области высшего образования в международном масштабе не производится. Косвенно об объемах такого экспорта для большинства европейских стран можно судить по масштабам входящей студенческой мобильности из-за пределов Европейского союза / Европейской экономической зоны, поскольку европейскими вузами установлена плата за обучение именно для таких студентов. Однако этот критерий не применим к странам постсоветского пространства, где такой градации нет. Имеет значение сальдо студенческой мобильности в странах ЕПВО, показывающее разницу между количеством въехавших студентов с целью получения образования в конкретную страну и выехавших, поскольку денежные потоки так или иначе сопровождают миграцию людей.

В данной статье поставлена цель оценить влияние ЕПВО как региональной инициативы на экспорт услуг высшего образования его странами-участницами. Исследование состоит из четырех разделов. В первом разделе обобщены данные о целеполагании и форматах регионализма в области высшего образования по всему миру. Во втором проводится анализ влияния членства в ЕПВО на масштабы, сальдо студенческой мобильности и географию происхождения иностранных студентов в его первых странах-участницах. В третьем разделе оцениваются эффекты участия в ЕПВО для стран постсоветского пространства, а в последнем дан прогноз последствий блокировки участия России в ЕПВО для экспорта ее услуг высшего образования.

¹⁰ European Higher Education Area. (1999) *Ministerial Conference Bologna 1999*. URL: <https://www.ehea.info/page-ministerial-conference-bologna-1999> (дата обращения: 15.12.2023).

1. Регионализм в сфере высшего образования

Под регионализмом в сфере высшего образования в данном исследовании понимаются «политические проекты по созданию региона с участием какого-либо рода государственной власти (национального, наднационального, международного уровней), определяющей соответствующий регион, на который такая деятельность в области высшего образования распространяется» (Chou and Ravinet, 2017, pp. 143–144).

Анализ регионализма в сфере высшего образования сегодня чаще всего проводится на примере Европейского пространства высшего образования, но в меньшей степени рассматриваются подобные попытки в других регионах мира — Африке, Латинской Америке или Восточной Азии. Отчасти это обусловлено тем, что большинство инициатив регионального сотрудничества в сфере высшего образования за пределами Европы носят характер выборочной координации усилий национальных государств, а не полномасштабной гармонизации национальных систем высшего образования. Тем не менее примеры таких региональных инициатив возникают все чаще по всему миру. Более того, они зачастую сопровождают проекты региональной экономической интеграции, тем самым подтверждая неофункционалистское видение интеграции как «перелива» из одной области в другую (*spillover*).

В МЕРКОСУР сотрудничество в сфере образования формально развивается с 1992 г. Оно рассматривается как гарант необратимости интеграции в регионе и сегодня направлено на достижение Целей устойчивого развития в области образования, а также повышение качества жизни жителей региона. В плане действий в области образования на 2021–2025 гг., например, заявлено формирование в перспективе общего образовательного пространства, где с помощью стимулирования мобильности будет происходить обмен знаниями и формирование региональной идентичности, а также предоставляться качественное образование всем, включая уязвимые категории граждан¹¹.

В Болонской декларации 1999 г., положившей начало одноименному процессу в странах Европы, а затем и на постсоветском пространстве, говорилось о том, что данная инициатива должна «содействовать мобильности граждан», а также увеличить «международную конкурентоспособность Европейской системы высшего образования» и ее «привлекательность во всем мире»¹².

С 2007 г. в Африканском союзе была поставлена цель гармонизации образовательных систем. Таким способом предполагалось устранить препятствия для студенческой мобильности на континенте. Считается, что это позволит не просто добиться адекватного реагирования континента на вызовы современности, но и в перспективе «надежно закрепить место Африки в центре глобальной экономики знаний»¹³.

¹¹ Sector Educativo del MERCOSUR. (2020) *Programa de Trabajo del Sector Educativo del MERCOSUR (SEM) 2021–2025*. URL: <https://edu.mercosur.int/es-es/plano-2011-2015.html> (дата обращения: 13.07.2020).

¹² European Higher Education Area. (1999) *Bologna Declaration of 19 June 1999*. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/1999_Bologna_Declaration_English_553028.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

¹³ African Union. (2020) *Education*. URL: <https://au.int/en/directorates/education> (дата обращения: 16.07.2023).

В Куала-Лумпурской Декларации в области высшего образования, принятой на саммите АСЕАН в 2015 г., было признано, что высшее образование служит катализатором ускорения экономического, политического и социокультурного развития АСЕАН, а также может увеличить глобальную узнаваемость Ассоциации¹⁴. На ее базе в дорожной карте 2021–2025 гг. поставлена цель создания общего пространства высшего образования, которое будет способствовать расширению масштабов академической мобильности внутри АСЕАН, укрепляя межличностные контакты и обеспечивая циркуляцию знаний¹⁵.

В Туркестанской декларации, ознаменовавшей создание в 2021 г. Центрально-Азиатского пространства высшего образования (ЦАПВО), было заявлено, что «сотрудничество в области образования на региональном уровне... имеет мощный потенциал для укрепления взаимосвязей... увеличивая международную конкурентоспособность национальных систем высшего образования»¹⁶.

Для региональных инициатив с участием развивающихся стран декларируемой целью интеграции часто служит обеспечение доступности образования и подготовки кадров для развития экономики, а в реальности также содействие интеграции и сокращение утечки мозгов (таковы примеры МЕРКОСУР, АСЕАН и Африканского союза). Официально цели повышения конкурентоспособности и привлекательности высшего образования, в том числе для расширения экспорта соответствующих услуг, в большей степени привержены проекты регионального сотрудничества среди развитых стран (ЕПВО), хотя встречаются и исключения (ЦАПВО).

Важным условием развития подобных региональных инициатив служит возможность добиться взаимной выгоды и упрочить позиции всех стран-участниц. Однако активная политика России по привлечению студентов из других стран постсоветского пространства, особенно из Центральной Азии (Chankseliani, 2018, p. 285), вкуче с риторикой, сопровождающей российскую образовательную дипломатию (Mäkinen, 2016), приводят к тому, что предлагаемые Россией проекты интеграции в сфере высшего образования регионального масштаба (на базе СНГ или ЕАЭС) не поддерживаются большинством стран региона и потому остаются во многом декларативными или фрагментарными (Pogorelskaya, 2023, p. 162).

2. Влияние Болонского процесса на студенческую мобильность

Еще в Болонской декларации 1999 г. предусматривались инструменты стимулирования студенческой мобильности, включая систему зачетных единиц. Однако в первую очередь эти инструменты были призваны способствовать мобильности внутри ЕПВО. В стратегии по содействию мобильности, принятой по итогам Лёвенской министерской конференции 2009 г., была поставлена цель обеспечить

¹⁴ ASEAN (2015) *Kuala Lumpur Declaration On Higher Education*. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-Declaration-on-Higher-EducationAdopted.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁵ ASEAN. (2022) *Roadmap in the ASEAN Higher Education Space 2025 and Its implementation Plan*. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/07/ASEAN-Higher-Education-Space-2025_rev-1.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁶ Council of Europe. (2021) *Declaration on the creation of the Central Asian Higher Educational Area (Turkestan Declaration)*. URL: <https://rm.coe.int/turkestan-declaration/1680a2eac7> (дата обращения: 14.07.2023).

опытом мобильности не менее 20 % выпускников вузов в ЕПВО к 2020 г.¹⁷ Однако добиться выполнения целевого показателя в срок не удалось¹⁸.

Позже в зону внимания стран-участниц попала и входящая студенческая мобильность из-за пределов ЕПВО, в связи с чем стала постулироваться необходимость укрепления конкурентоспособности европейского высшего образования в мире¹⁹. В 2012 г. в Бухаресте была принята стратегия по содействию мобильности до 2020 г., где одним из целевых показателей было предложено считать количество иностранных студентов, приехавших за высшим образованием в ЕПВО именно из-за его пределов²⁰. Однако единого для всех стран — участниц ЕПВО порога установлено не было, и его определение было передано в национальное ведение. В частности, предполагалось, что он будет указан в национальных стратегиях интернационализации высшего образования²¹. В 2015 г. такие стратегии реализовывали только 16 стран ЕПВО, в 2018 г. — уже 32 страны-участницы, но заявленные в них качественные и количественные показатели значительно варьировались²².

В целом страны ЕПВО смогли привлечь значительную долю мобильных в международном масштабе студентов, включая мобильных как внутри ЕПВО, так и приезжающих из-за его пределов: в 2013–2019 гг. в пределах ЕПВО обучалось более 40 % студентов, участвующих в международной мобильности²³. При этом сальдо международной студенческой мобильности для ЕПВО в целом на протяжении периода его существования оставалось положительным и в основном расширялось, что свидетельствует о росте привлекательности высшего образования ЕПВО за его пределами. В 1999 г. сальдо составляло порядка 316 тыс. человек, в 2020 г. — уже 1,22 млн человек²⁴, тем самым существование ЕПВО способствовало росту объема экспорта услуг высшего образования совокупно его странами-участницами.

Тем не менее сохранились значительные различия в показателях сальдо студенческой мобильности среди стран — участниц ЕПВО. Чистыми экспортёрами ус-

¹⁷ European Higher Education Area. (2009) *Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Leuven and Louvain-la-Neuve, 28–29 April 2009*. URL: https://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2009_Leuven_Louvain-la-Neuve/06/1/Leuven_Louvain-la-Neuve_Communique_April_2009_595061.pdf (дата обращения: 13.07.2023).

¹⁸ Crosier, D. (2022) *Mobility and data in the EHEA: What do we know? What don't we know?* URL: <https://www.ehea.info/Upload/BFUGmobility.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁹ European Higher Education Area. (1999) *Bologna Declaration of 19 June 1999*. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/1999_Bologna_Declaration_English_553028.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

²⁰ European Higher Education Area. (2012) *Mobility strategy 2020 for the European Higher Education Area (EHEA)*. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/Bucharest_Communique_2012_610673.pdf (дата обращения: 13.07.2023).

²¹ Bologna Follow-Up Group. (2015) *Report of the 2012–2015 BFUG Working Group on Mobility and Internationalisation*. URL: https://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2015_Yerevan/71/7/MI_WG_Report_613717.pdf (дата обращения: 30.07.2023).

²² European Commission/EACEA/Eurydice. (2018) *The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report*. P.242. URL: <https://www.ehea.info/Upload/BP2018.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).

²³ Рассчитано по: UNESCO UIS. (2022) *Total inbound internationally mobile students, both sexes (number)*. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3806> (дата обращения: 14.07.2023).

²⁴ Рассчитано по: UNESCO UIS. (2022) *Net flow of internationally mobile students (inbound — outbound), both sexes (number)*. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCodeEDULIT_DS&propupcustomisetrue&lang=en (дата обращения: 14.07.2023).

луг в области высшего образования, обучающими больше иностранных студентов, чем отправляющими за границу, как внутри ЕПВО, так и из-за его пределов, на протяжении многих лет остаются Австрия, Бельгия, Чехия, Дания, Франция, Германия, Венгрия, Нидерланды, Португалия (кроме 2008–2010 гг.), Россия, Испания (кроме 2004–2006 гг.), Швеция, Швейцария, Великобритания. Чистыми импортерами, отправляющими больше своих студентов за рубеж, чем принимающими, являются в основном малые страны Европы и постсоветского пространства, входящие в ЕПВО, а также Казахстан.

Некоторые страны сумели изменить свой статус с импортеров на экспортеров услуг в области высшего образования: их показатель сальдо студенческой мобильности уже в составе ЕПВО сменился с отрицательного на положительный. Примеры таких стран: Финляндия (с 2004 г. положительное сальдо), Польша (с 2013 г.), Турция (с 2013 г.), Ирландия (с 2015 г.), Мальта (с 2016 г.), Словения (с 2018 г.), Грузия (с 2019 г.). Причины смены статуса стран различаются и далеко не всегда обусловлены исключительно членством в ЕПВО, а также иными — как внешними, так и внутренними — факторами, включая национальные усилия по стимулированию притока иностранных студентов. Например, рост экспорта услуг высшего образования Польши связывали с расширением спроса со стороны украинских студентов из-за конфликта между Россией и Украиной; активным участием страны в программе Erasmus+ (в новом формате запущена с 2014 г.) и принятием программы интернационализации высшего образования (в 2015 г.), по которой количество иностранных студентов в стране планировалось увеличить до 100 тыс. человек к 2020 г.²⁵ Хотя в Турции политика в отношении иностранных студентов была систематизирована в 1992 г., с 2012 г. в стране была значительно обновлена система грантовой поддержки для иностранных студентов (Ünal, 2019, p. 416), что позволило нарастить их приток. Принятие подобных документов может быть как национальной инициативой, так и ответом на рекомендации органов и министерских конференций в рамках ЕПВО, где с 2012 г. государства-члены поощряются к принятию национальных стратегий по интернационализации высшего образования.

Обратных примеров смены статуса страны в ЕПВО с экспортера на импортера услуг высшего образования почти нет, за исключением Норвегии (отрицательное сальдо было до 2004 г. и затем с 2013 г.) и Украины (положительное сальдо после вступления в ЕПВО с 2006 г., но отрицательное с 2015 г.)²⁶. Италия характеризовалась положительным сальдо в 2004–2018 гг., однако в 2019–2020 гг. оно сменилось на отрицательное, что может быть связано с тяжелой ситуацией в стране во время пандемии, отпугнувшей потенциальных студентов итальянских вузов. Таким образом, членство в ЕПВО не ухудшило положения большинства стран-участниц в потоках международной студенческой мобильности и даже способствовало тому, что некоторым странам удалось со временем перейти от импорта к экспорту услуг высшего образования.

²⁵ ICEF Monitor. (2015) *Poland launches internationalisation strategy*. URL: <https://monitor.icef.com/2015/10/poland-launches-internationalisation-strategy/> (дата обращения: 12.08.2023).

²⁶ UNESCO UIS. (2022) *Net flow of internationally mobile students (inbound — outbound), both sexes (number)*. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=EDULIT_DS&popupcustomisetrue&lang=en (дата обращения: 14.07.2023).

Кроме того, для абсолютного большинства стран — участниц ЕПВО к концу 2010-х годов доля иностранных студентов в общем студенческом контингенте выросла, за исключением Норвегии, где фиксируется падение этого показателя с 2013 г., Швеции, где доля иностранных студентов сегодня примерно равна 7 %, как и в момент вступления страны в ЕПВО (в 1999 г.), и Сан-Марино, присоединившегося к ЕПВО в 2020 г. на фоне относительно сокращающейся доли иностранных студентов (с 91,1 % в 2018 г. она снизилась до 85,4 % в 2021 г.)²⁷.

Согласно последнему отчету об имплементации Болонского процесса, где приведены статистические данные за 2017 г., наибольшую степень географической диверсификации стран происхождения иностранных студентов демонстрировали Скандинавские страны (Дания, Исландия, Норвегия, Швеция), а также Финляндия, Великобритания, Венгрия, Германия, Ирландия, Франция. В них менее 30 % студентов прибывали из трех стран происхождения. Напротив, наименьшую степень географической диверсификации источников иностранных студентов демонстрировали малые и карликовые страны — Андорра, Армения, Босния и Герцеговина, Лихтенштейн, Молдова, Сербия, а также Грузия, Кипр и Чехия, которые значительно зависели от трех ключевых источников происхождения своих иностранных студентов. На основании этих данных факторами, определяющими популярность той или иной системы высшего образования для иностранных студентов, были названы общность языка, наличие исторических и культурных связей, а также рост спроса на зарубежное высшее образование в Китае и отчасти Индии²⁸.

Анализ данных ЮНЕСКО по топ-10 государств происхождения иностранных студентов в странах — участницах ЕПВО в целом указанные факторы подтверждает. На направлениях международных студенческих потоков сказывается и географическая близость стран. Например, более половины иностранных студентов приезжают из соседних стран ЕПВО в Австрию (40 % из Германии и 12,1 % из Италии), Боснию и Герцеговину (41,4 % из Хорватии и 29,4 % из Сербии), Молдову (51,3 % из Румынии), Сербию (54,9 % из Боснии и Герцеговины, 25,3 % из Черногории и 3,3 % из Хорватии), Словакию (27,7 % с Украины и 22,8 % из Чехии). В Бельгии чуть менее половины иностранных студентов (совокупно 46,2 %) составляют граждане соседних Франции, Нидерландов, Люксембурга и Германии.

Ни одна страна ЕПВО не зависит полностью от входящей студенческой мобильности только из стран ЕПВО, за исключением Сан-Марино, куда 99,6 % иностранных студентов прибывает из Италии. Тем не менее для карликовых государств — Андорры, Лихтенштейна, Люксембурга — основными поставщиками иностранных студентов служат соседние крупные страны ЕПВО: Испания для Андорры (67,7 % всех иностранных студентов); Австрия (39,6 %), Германия (26,5 %) и Швейцария (21,5 %) для Лихтенштейна; Франция (24,2 %) и Германия (12,6 %) для Люксембурга. Таким образом, членство в ЕПВО позволило малым странам найти свою нишу и закрепиться в ней на региональном рынке услуг высшего образования.

²⁷ UNESCO UIS. (2022) *Inbound mobility rate, both sexes (%)*. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 14.07.2023).

²⁸ European Commission. (2020) *The European Higher Education Area in 2020. Bologna Process Implementation Report*. P.144–145. URL: <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/publications/european-higher-education-area-2020-bologna-process-implementation-report> (дата обращения: 11.07.2023).

Для крупных экспортеров услуг высшего образования — Великобритании, Франции, а также Испании и Португалии — основными государствами-донорами иностранных студентов выступают их бывшие колонии за пределами ЕПВО, которые вдобавок имеют тот же официальный язык, что и прежняя метрополия. В Великобританию, которая славится значительной диверсификацией географических направлений экспорта образовательных услуг, более трети иностранных студентов прибывает из бывших зависимых территорий, включая Индию (10 %), США (3,6 %), Гонконг (3 %), Малайзию (2,5 %), Нигерию (2,4 %) и т. д. Во Францию для получения высшего образования традиционно едут студенты из Марокко (13 % иностранных студентов), Алжира (9,1 %), Сенегала (4,3 %), Туниса (3,9 %), Кот-д’Ивуара (2,8 %), Ливана (2,2 %) и т. д. В Испании граждане стран Латинской Америки и Карибского бассейна совокупно составляют около трети иностранных студентов, а в Португалии более 40 % иностранных студентов приезжают из Бразилии.

Среди топ-10 доноров иностранных студентов для большинства стран ЕПВО фигурируют Китай и/или Индия, в мировом масштабе предъявляющие растущий спрос на услуги высшего образования. Для таких крупных экспортеров услуг высшего образования, как Великобритания и Германия, а также для Ирландии, Италии, Швеции именно студенты из Китая и Индии составляют совокупно крупные студенческие контингенты — от 16,7 % (в Швеции) до 36,1 % (в Великобритании) иностранных студентов.

С точки зрения экспорта услуг высшего образования важно, что оплачивать свое обучение в европейских странах обязаны в основном студенты из-за пределов Евросоюза / Европейской экономической зоны, хотя в некоторых случаях имеет значение статус принимающего университета (государственный или частный) и срок обучения²⁹. Для абсолютного большинства европейских стран в топ-10 стран происхождения иностранных студентов фигурируют государства из-за пределов ЕС / Европейской экономической зоны. Таких иностранных студентов более половины в Ирландии, на Кипре, в Латвии, Польше, Португалии, Румынии, Словении; порядка половины — в Литве, Франции и Хорватии; более 40 % в Италии; не менее трети в Германии, на Мальте, в Испании, Словакии, Финляндии, Эстонии. Британские вузы традиционно взимали плату за обучение, однако до Брексита для студентов из ЕС, Европейской экономической зоны и Швейцарии она равнялась плате, установленной для граждан Великобритании. С 2021/22 учебного года она была приравнена к размеру платы за обучение для студентов из третьих стран, т. е. примерно в 2–4 раза выше, чем для британских граждан³⁰. Таким образом, Великобритания сделала выбор в пользу заработка на экспорте услуг высшего образования, в том числе в европейские страны.

Для первых стран, присоединившихся к Болонскому процессу еще в 1999 г., участие в нем содействовало упрочению прежних позиций в международных потоках студенческой мобильности. Те из них, кто традиционно был экспортером услуг в области высшего образования, сохранили свой статус. После присоединения

²⁹ European Commission. (2022) *Study in Europe: Country profiles*. URL: <https://education.ec.europa.eu/study-in-europe/countries/> (дата обращения: 31.07.2023).

³⁰ UK Tuition Fees for EU/EEA Students in 2023. *Changes after Brexit*. URL: <https://www.mastersportal.com/articles/2843/uk-tuition-fees-for-eueea-students-in-2023-changes-after-brexit.html> (дата обращения: 31.07.2023).

к ЕПВО смогли начать экспорт услуг в области высшего образования Финляндия, Ирландия, Мальта, Польша, Турция, а перед пандемией — Словения. Таким образом, создание ЕПВО позволило странам-участницам упрочить или найти свою нишу на мировом рынке услуг в области высшего образования.

3. Болонский процесс и экспорт услуг высшего образования: эффекты для стран постсоветского пространства³¹

Несколько обстоятельств обусловили то, что страны постсоветского пространства представляют собой особый кейс в пределах ЕПВО. Во-первых, они присоединились к Болонскому процессу и были допущены в ЕПВО позже большинства европейских государств. Во-вторых, они традиционно были больше включены в потоки студенческой мобильности в своем регионе, в меньшей степени участвуя в студенческих обменах с Европой.

Страны постсоветского пространства в 1990-е годы были заняты реформированием своей экономики, а условия жизни и состояние высшего образования оставляли желать лучшего. Вузы, которые на время освободились от строгого регулирования, были вынуждены выживать в условиях сокращения государственного финансирования за счет предоставления платных образовательных услуг как собственным, так и по возможности иностранным студентам, интерес которых к региону, однако, пошатнулся. С начала 2000-х Россия, а затем и семь других стран постсоветского пространства стали вступать в ЕПВО (табл. 1).

Доводы в пользу вступления для стран несколько различались и состояли в необходимости реформирования национальных систем высшего образования для ускорения экономической модернизации (Титаренко, Заславская, 2020, с. 138), реализации стремления к европеизации, а в некоторых случаях — к десоветизации и/или выходу из изоляции (Huisman, 2019). Стремление Беларуси в ЕПВО, например, было обусловлено экономическими причинами — необходимостью расширения финансирования системы высшего образования за счет иностранных студентов, обучающихся на платной основе, в условиях демографической ямы и сокращения государственных расходов на эту сферу³². При ожидаемых выгодах от присоединения к ЕПВО страны постсоветского пространства также вынуждены были принять на себя риск потенциальной утечки мозгов. При возможности получения более качественного высшего образования в других странах ЕПВО молодежь постсоветского пространства могла массово включиться в безвозвратную мобильность на запад³³.

³¹ В исследовании в качестве постсоветского пространства будут рассматриваться бывшие республики СССР, за исключением Прибалтийских государств — Латвии, Литвы и Эстонии — единственных из них членов ЕС и НАТО, по данным на 2023 г.

³² Belarusian Independent Bologna Committee. (2012) *An alternative report and a road map to integrate Belarus into EHEA*. URL: <https://bolognaby.org/index.php/issledovanija-analitika/544-alternaty-d1-9eny-daklad-i-darozhnaya-karta-pa-d1-9eklyuchennyu-belarusi-d1-9e-epva-2> (дата обращения: 15.12.2023).

³³ Deutsche Welle*. (2005) «Утечки мозгов» из России в Германию не будет. URL: <https://clck.ru/35AENw> (дата обращения: 01.08.2023).

* Признан в Российской Федерации организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Таблица 1. Вступление стран постсоветского пространства в ЕПВО

Государство	Год вступления
Азербайджан	2005
Армения	2005
Беларусь	2015
Грузия	2005
Казахстан	2010
Молдова	2005
Россия	2003
Украина	2005

Составлено по: European Higher Education Area. (2024) *Full Members*. URL: https://ehea.info/page-full_members (дата обращения: 15.02.2024).

Однако официальное присоединение к ЕПВО оставило этим странам довольно много пространства для маневра: в некоторых из них трехступенчатая модель высшего образования продолжила сосуществовать с принятой ранее, а соответствие другим Болонским принципам оказалось фрагментарным и даже формальным. Например, Беларусь получила отсрочку на выполнение всех требований, будучи формально принятой в ЕПВО в 2015 г., но не смогла устранить несоответствия в обозначенный срок, то есть к 2018 г.³⁴

Средние темпы прироста входящей студенческой мобильности в странах постсоветского пространства до и после присоединения к ЕПВО продемонстрировали разные тенденции: для Беларуси, Молдовы и России они снизились; для Грузии, Казахстана и Украины — повысились (табл. 2). Отсутствие открытых данных об уровне мобильности до 2007 г. для Азербайджана не позволяет оценить средние темпы прироста до присоединения к ЕПВО. Данные по темпам для Армении за два года, предшествующих вступлению в ЕПВО, значительно разнятся: они составили 6,5 % в 2003 г. и 55,4 % в 2004 г. Такой разброс не позволяет выявить четкую тенденцию. Кроме того, относительно высокие темпы в 2000-х годах могли быть обусловлены не только подготовкой к вступлению в ЕПВО и внедрением Болонских принципов, но и улучшением общей обстановки в странах.

Но членство в ЕПВО не смогло изменить коренным образом показатели сальдо студенческой мобильности в странах. Россия, которая была чистым экспортером услуг высшего образования и до участия в Болонском процессе, сохранила свой статус, в то время как остальные остались чистыми импортерами (табл. 3). В частности, значительно вырос отток студентов из Армении, Молдовы и Казахстана. Студенты из Молдовы в основном направились в Европу, а студенты из Армении и Казахстана сегодня выбирают для получения высшего образования и российские, и европейские вузы.

³⁴ Advisory Group 2. (2018) *Support for the Belarus Roadmap. Final Report. Work Plan 2015–2018*. URL: https://ehea.info/media.ehea.info/file/2018_Paris/72/3/MEN_conf-EHEA_AG2_03_950723.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

Таблица 2. Средние темпы прироста входящей студенческой мобильности в отдельных странах ЕПВО за 1998–2021 гг., %

Государство	До вступления в ЕПВО	После вступления в ЕПВО
Азербайджан	–	3,6
Армения	–	3,6
Беларусь	19,8	6,1
Грузия	14,3	37,8
Казахстан	4,5	16,3
Молдова	9,3	5,2
Россия	33,0	11,4
Украина	8,4	9,6

Составлено по: UNESCO UIS. (2022) *Total inbound internationally mobile students, both sexes (number)*. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3806> (дата обращения: 14.07.2023); Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина. (2020) *Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник*. Выпуск 10. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR279757.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

Таблица 3. Сальдо студенческой мобильности для стран постсоветского пространства — участниц ЕПВО за 1998–2020 гг., чел.

Государство	Среднее значение сальдо студенческой мобильности	
	до вступления в ЕПВО	после вступления в ЕПВО
Азербайджан	–	–
Армения	–267	–1656
Беларусь	–14 548	–6889
Грузия	–4826	–4214
Казахстан	–19 605	–54 644
Молдова	–6586	–13 484
Россия	25 332	115 729
Украина	–5022	–5724

Составлено по: UNESCO UIS. (2022) *Net flow of internationally mobile students (inbound-outbound), both sexes (number)*. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCodeEDULIT_DS&popurpcustomisetrue&langen (дата обращения: 14.07.2023).

Тем не менее доля иностранных студентов в странах постсоветского пространства выросла, как и в большинстве других стран — участниц ЕПВО (табл. 4). В некоторых случаях это было связано с отрицательным естественным приростом и старением собственного населения, ввиду чего вузы охотнее набирают иностранных студентов, пытаясь компенсировать недостаток абитуриентов в национальном масштабе.

Таблица 4. Доля иностранных студентов в общем студенческом контингенте в странах постсоветского пространства в год присоединения в ЕПВО и в 2019 г., %

Государство	В год присоединения к ЕПВО	2019 г.
Азербайджан	<2 (2005)	2,23
Армения	3,6 (2005)	5,52
Беларусь	3,33 (2015)	4,82
Грузия	0,12 (2005)	8,11
Казахстан	1,58 (2010)	3,32
Молдова	1,74 (2005)	5,58
Россия	0,8 (2003)	4,97
Украина	0,89 (2005)	3,46

Составлено по: UNESCO UIS. (2022) *Inbound mobility rate, both sexes (%)*. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 14.07.2023).

Вступление стран постсоветского пространства в ЕПВО, обусловленное разными мотивами, в том числе желанием повысить популярность национального высшего образования за рубежом, однако, не гарантировало притока в них студентов из Западной Европы. В силу сложившихся ранее направлений потоков международной студенческой мобильности сегодня основными странами происхождения иностранных студентов в странах постсоветского пространства (кроме Молдовы) служат иные государства того же региона, а также Китай, Индия, Иран, Ливан, Египет, Нигерия (страны, где расширяется спрос на услуги высшего образования, который не способны удовлетворить местные вузы), кроме того, Израиль и Турция (табл. 5).

При этом диверсификация направлений экспорта услуг высшего образования для большинства стран постсоветского пространства осталась очень ограниченной. На основании данных о топ-10 стран происхождения иностранных студентов в странах — участницах ЕПВО можно отметить, что Казахстан (на 80%), Россия (71%), Беларусь (56%) и Армения (49%) зависят от иностранных студентов именно из других стран постсоветского пространства. В меньшей степени на них ориентируются Азербайджан (19%), Украина (16%), Грузия (8,7%) и Молдова (4,1%).

В данном случае можно отметить сопоставимость принимающих и большинства отправляющих иностранных студентов стран по уровню ВВП на душу населения (за исключением Турции и Израйля как отправляющих государств с уровнем жизни значительно выше, чем на постсоветском пространстве). Для некоторых отправляющих стран (Таджикистан, Нигерия, Киргизия, Индия, Узбекистан) ВВП на душу населения ниже, чем в принимающих странах из числа участниц ЕПВО, что говорит в пользу экономического подтекста такой образовательной миграции (табл. 6).

Однако регион постсоветского пространства не может похвастаться повсеместно высоким качеством высшего образования, в том числе ввиду неполноценной имплементации Болонских принципов. При этом ситуация с оплатой в данном регионе услуг в области высшего образования иностранными студентами различна

Таблица 5. Топ-10 стран происхождения иностранных студентов, обучающихся в странах постсоветского пространства — членах ЕПВО, с указанием доли (%) страны в общем контингенте студентов принимающей страны (серым отмечены страны за пределами ЕПВО)

Позиция в рейтинге	Принимающие государства									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Молдова	Россия	Украина	Украина	Украина
Топ-1	Турция 45,3	Россия 32,5	Туркменистан 39,7	Индия 53,2	Узбекистан 64,1	Румыния 51,3	Казахстан 25,2	Индия 24,6	Индия 24,6	Индия 24,6
Топ-2	Иран 22,1	Индия 28,6	Китай 17,9	Азербайджан 6,2	Индия 10,9	Израиль 26,1	Туркменистан 9,9	Марокко 10,5	Марокко 10,5	Марокко 10,5
Топ-3	Грузия 8,6	Грузия 15,5	Россия 8,5	Израиль 5	Туркменистан 8,1	Индия 11,6	Узбекистан 9,7	Туркменистан 7,4	Туркменистан 7,4	Туркменистан 7,4
Топ-4	Россия 7,5	Сирия 4,9	Узбекистан 4,8	Нигерия 4,5	Россия 3,7	Украина 2,1	Таджикистан 7,8	Азербайджан 6,4	Азербайджан 6,4	Азербайджан 6,4
Топ-5	Туркменистан 2,3	Иран 4,6	Шри-Ланка 4,6	Иран 3,9	Киргизия 2,9	США 1,3	Украина 7,6	Нигерия 5,6	Нигерия 5,6	Нигерия 5,6
Топ-6	Нигерия 1,8	Ирак 4,4	Индия 3,3	Египет 3,7	Китай 2,4	Турция 1,2	Китай 6,6	Китай 5,2	Китай 5,2	Китай 5,2
Топ-7	Пакистан 1,6	Ливан 1,7	Ливан 3,2	Иордания 3,1	Монголия 2,4	Россия 1,2	Индия 4,3	Турция 4,3	Турция 4,3	Турция 4,3
Топ-8	Ирак 1,1	Украина 1,1	Иран 1,9	Россия 2,5	Таджикистан 1,5	Азербайджан 0,8	Беларусь 4,1	Египет 4,3	Египет 4,3	Египет 4,3
Топ-9	Китай 1	Египет 1	Украина 1,5	Великобритания 2,2	Афганистан 1	Италия 0,5	Азербайджан 3,9	Израиль 3	Израиль 3	Израиль 3
Топ-10	Казахстан 0,8	США 0,7	Таджикистан 1,5	Ливан 1,9	Турция 0,8	Нигерия 0,5	Киргизия 2,6	Узбекистан 2,2	Узбекистан 2,2	Узбекистан 2,2

Составлено по: UNESCO UIS. (2019) *Global Flow of Tertiary Level Students*. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 29.07.2023).

Таблица 6. ВВП на душу населения в некоторых странах в 2022 г., долл., по паритету покупательной способности

Принимающее государство	ВВП на душу населения	Отправляющее государство	ВВП на душу населения
Азербайджан	15045	Египет	12781
Армения	16042	Израиль	44272
Беларусь	19132	Индия	7096
Грузия	17034	Иран	15308
Казахстан	26093	Китай	18188
Молдова	12905	Киргизия	5194
Россия	27584	Ливан	12987
Украина	10731	Нигерия	4963
		Турция	32998
		Таджикистан	4137
		Туркменистан	14270
		Узбекистан	8073

Составлено по: The World Bank. (2022) *GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$)*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?view=chart> (дата обращения: 09.08.2023).

ся с условиями оплаты в Западной Европе. В некоторых странах иностранцы на конкурсной основе могут претендовать на гранты, покрывающие обучение в вузе (Казахстан), или квоты (Азербайджан, Украина), позволяющие обучаться за счет средств государственного бюджета принимающей страны. В небольших количествах за государственный счет обучаются иностранцы, зачисленные на основе заключенных конкретной страной международных соглашений. При этом массового обеспечения иностранцев высшим образованием за государственный счет ни в одной из постсоветских стран — участниц ЕПВО не наблюдается. Исключение составляет Россия, где действует возможность получения гражданами СНГ высшего образования за счет российского бюджета на конкурсной основе, а также система квот. В некоторых странах необходимо предварительно пройти языковые курсы для получения высшего образования на официальном языке страны (например, в Армении), что тоже приносит доход национальным вузам.

4. Россия вне ЕПВО: перспективы для экспорта услуг высшего образования

Российские вузы традиционно принимали основную часть иностранных студентов в СССР. Актуальные направления международной студенческой мобильности на постсоветском пространстве сохраняются с 1990-х годов, когда Россия стала региональным центром, унаследовав сильнейшие вузы советского периода. Постепенно доля студентов из стран СНГ, а также из Грузии, Абхазии и Южной Осетии в российских вузах увеличивалась и с 2013 г. стала составлять порядка по-

ловинны иностранных студентов, обучающихся очно³⁵. Этому способствовали как последствия демографической ямы в России 1990-х годов, из-за чего количество молодых россиян, претендующих на места в вузах, стало падать, так и намеренные усилия государства по привлечению иностранных студентов. Например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной в 2008 г., в качестве приоритетного направления демографической политики было заявлено привлечение в страну иностранной молодежи на обучение и стажировки³⁶. Согласно Федеральному закону об образовании от 2012 г. право обучения в российских вузах за счет российского бюджета на конкурсной основе получили соотечественники, проживающие за рубежом, а также иностранцы (в соответствии с международными договорами страны или по квоте)³⁷.

Тот факт, что, несмотря на падение популярности русского языка на постсоветском пространстве, он все еще служит средством межнационального общения в регионе (Арефьев, 2012, с. 430–432), позволяет студентам относительно свободно передвигаться и адаптироваться в странах региона. Именно российская система высшего образования сосредоточила потоки международной студенческой мобильности на постсоветском пространстве. Движение студентов в большинстве своем стало центростремительным, а их передвижения между другими странами региона свелись к минимуму так же, как и обратное перемещение из России в иные государства региона с целью получения образования (Pogorelskaya, 2023, p. 166).

Ситуация оставалась во многом выигрышной для России даже без участия в Болонском процессе, которому вдобавок сопротивлялись академическое сообщество, студенты и их родители (Platonova and Semyonov, 2018, p. 350). Тем не менее в 2003 г. Россия вступила в ЕПВО. Динамика входящей студенческой мобильности в Россию до и сразу после вступления страны в ЕПВО не демонстрировала устойчивого роста (рис. 1)³⁸. Гораздо ощутимее на нее положительно стали влиять систематические усилия страны по наращиванию экспорта услуг в области высшего образования, стартовавшие в 2010-х годах (рис. 2)³⁹.

В частности, в 2013 г. был инициирован проект по повышению конкурентоспособности отдельных российских вузов в мире (Проект 5-100). С 2018 г. стартовал приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», согласно которому планировалось увеличить представительство

³⁵ Рассчитано по: Минобрнауки России, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. (2020) *Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник*. Выпуск 10. С. 43–55. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR279757.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

³⁶ Правительство Российской Федерации. (2008) *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*. С. 31. URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygytgmGzrnAX.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

³⁷ КонсультантПлюс. (2012) *Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.12.2023).

³⁸ UNESCO UIS. (2022) *Inbound internationally mobile students by continent of origin*. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 14.07.2023).

³⁹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. (2020) *Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник*. Выпуск 10. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR279757.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

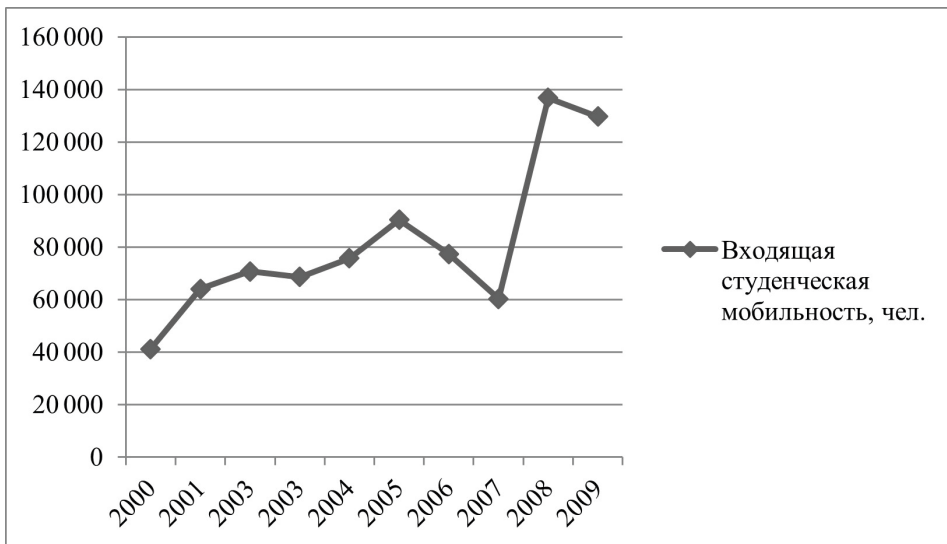

Рис. 1. Входящая студенческая мобильность в России за 2000–2009 гг.

Составлено по: UNESCO UIS. (2022) *Total inbound internationally mobile students, both sexes (number)* URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3806> (дата обращения: 14.07.2023).

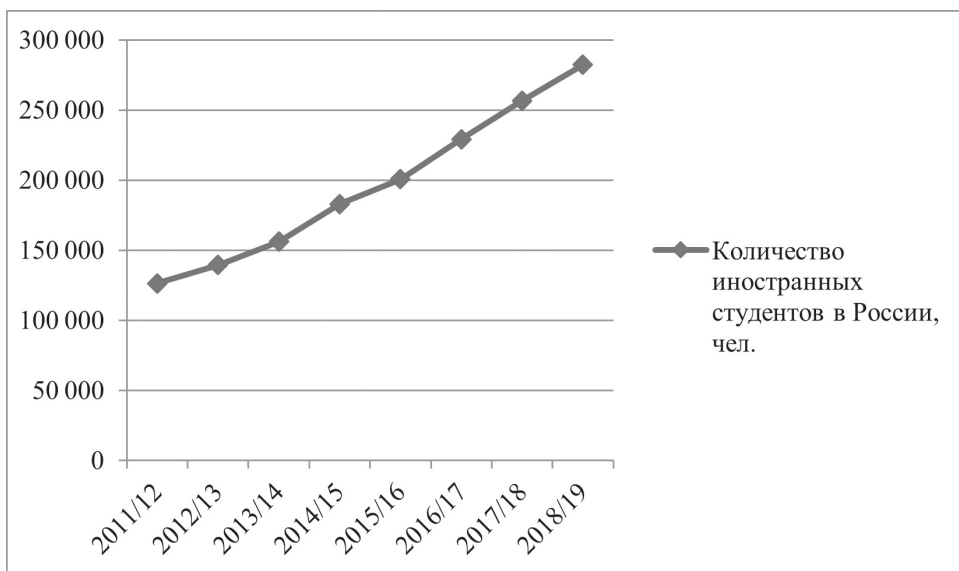

Рис. 2. Количество иностранных студентов в России в 2011/12–2018/19 учебных годах

Составлено по: Государственный институт русского языка им. А. С.Пушкина. (2020) *Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник*. Выпуск 10. URL: <http://lib.lunn.ru/LunnDigitalDocsClosed/DR279757.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

иностранцев, получающих в России высшее и среднее специальное образование, до 710 тыс. человек к 2025 г. Согласно паспорту федерального проекта «Экспорт образования» на 2019–2024 г., к концу его реализации количество иностранцев в контингенте российских вузов должно вырасти до 425 тыс. человек⁴⁰, а доходы от экспорта услуг высшего образования — до 373 млрд руб.⁴¹, хотя эксперты скептически оценили возможности достижения плановых показателей в указанный срок (Краснова, 2020).

И до вступления в ЕПВО граждане государств постсоветского пространства доминировали среди иностранных студентов российских вузов. По данным на 2000 г., например, они составляли порядка 61,4 % всех иностранных студентов в стране⁴². После двух десятилетий участия России в ЕПВО их доля осталась примерно той же, составив 63,2 % (2022)⁴³. Другие крупные контингенты иностранных студентов составляют граждане Китая и Индии, за ними с большим отрывом по абсолютному количеству следуют студенты из Египта, Ирака, Ирана, Марокко, Малайзии, Нигерии, Туниса, Вьетнама⁴⁴.

А. Нефёдова (Nefedova, 2021) указывала на принципиально разные причины выбора российского высшего образования иностранными студентами из стран СНГ и из-за его пределов. В частности, ключевыми притягивающими на обучение в Россию факторами для студентов из стран СНГ были общая осведомленность о жизни в России, рекомендации родственников и знакомых, а также наличие действующих социальных связей в России. Для иностранных студентов из-за пределов СНГ ключевым фактором выбора России как места получения высшего образования была названа финансовая сторона вопроса, то есть соотношение качества и цены образования или же возможность получить его за счет государственного бюджета.

В России, как в одном из крупнейших центров привлечения иностранных студентов, на основании Федерального закона об образовании правом обучения за счет государственного бюджета на конкурсной основе пользуются граждане из стран СНГ⁴⁵. Существует система квот, позволяющих иностранным гражданам как из СНГ, так и из-за его пределов обучаться в российских вузах за счет российского бюджета. Количество таких квот в последние годы расширяется, в 2023 г.

⁴⁰ РГУ им. нефти и газа им. Губкина. (2019) *Паспорт федерального проекта «Экспорт образования»*. URL: https://www.gubkin.ru/education-2019/base_doc/5_fed_projects.pdf (дата обращения: 06.05.2023).

⁴¹ Правительство России. (2018) *Паспорт национального проекта «Образование»*. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFdKmBB.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).

⁴² Рассчитано по: UNESCO UIS. (2022) *Inbound internationally mobile students by country of origin*. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3806> (дата обращения: 14.07.2023).

⁴³ Рассчитано по: Минобрнауки России. (2022) *Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴⁴ UNESCO UIS. (2019) *Global Flow of Tertiary Level Students*. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 29.07.2023).

⁴⁵ *Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об образовании в Российской Федерации»*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/61481667d956e25b4c53b1febedf53ed1121e78c/ (дата обращения: 01.08.2023).

достигает 30 тыс. мест⁴⁶. Представители других крупных контингентов обучающихся — из Китая и Индии — учатся чаще всего на платной основе. Сегодня крупнейшие контингенты иностранных студентов в российских вузах (граждане государств СНГ) только на 68,3 % обучаются платно, а за обучение остальных фактически платит российский бюджет (табл. 7). Возникает вопрос об эффективности российского экспорта услуг высшего образования, хотя некоторые исследователи предлагают рассматривать его в первую очередь как инструмент мягкой силы страны (Лебедева и Фор, 2009; Торкунов, 2012; Mäkinen, 2016).

Таким образом, вступление в ЕПВО не изменило коренным образом ни статус России как преимущественно экспортера услуг высшего образования, ни приоритетных географических направлений такого экспорта. Скорее, систематические усилия по укреплению позиций страны на мировом рынке образовательных услуг принесли желаемый эффект, хотя отчасти им могло способствовать и участие в ЕПВО, где стала приветствоваться реализация национальных стратегий интернационализации высшего образования. Переформатирование российской системы высшего образования в сторону несоответствия Болонским принципам отразится в первую очередь на намерениях тех иностранных абитуриентов, которые рассматривали российские вузы как транзитный пункт перед отъездом в Европу. Вероятнее всего, это платежеспособные студенты, планировавшие инвестировать в дальнейшем в европейский диплом или в переезд, как минимум. Для остальных иностранных студентов, рассчитывавших после получения диплома на трудоустройство в России (прежде всего для граждан СНГ) или на получение высшего образования по приемлемой цене, российский диплом в меньшей степени потеряет свою ценность, однако работу по содействию экспорту услуг высшего образования на национальном уровне придется активизировать. Как минимум необходим систематический мониторинг не только стран происхождения иностранных студентов и их количества в российских вузах, но и зарубежных рынков услуг в области высшего образования. Особенно важно проводить такой мониторинг по странам, которые потенциально могут стать поставщиками большего количества иностранных студентов в Россию (Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Африки), а также странам постсоветского пространства. Это позволит выявить незанятые ниши на рынках услуг в области высшего образования, а также основных конкурентов российских вузов и оценить эффективность их методов работы. Кроме того, важно стремиться к увеличению количества иностранных студентов не в ущерб качеству абитуриентов, а значит, необходимы дополнительные усилия по распространению изучения русского языка за рубежом и отбору наиболее перспективных абитуриентов как с точки зрения их способностей, так и платежеспособности (табл. 7).

⁴⁶ Минобрнауки России. (2023) *Пресс-конференция Валерия Фалькова о приемной кампании 2023/2024 учебного года: главные тезисы*. URL: <https://clck.ru/34Qa3Y> (дата обращения: 09.08.2023).

Таблица 7. Обучение крупнейших контингентов иностранных студентов в российских вузах по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, 2022 г.

Страна происхождения	Бакалавриат			Специалитет			Магистратура			ВСЕГО студентов
	Всего	Из них платно	По квоте	Всего	Из них платно	По квоте	Всего	Из них платно	По квоте	
Азербайджан	5073	4564	347	1046	951	148	556	433	115	7285
Беларусь	6600	5008	1602	1476	933	295	786	375	105	10 864
Индия	171	171	69	19013	18966	25	203	190	124	19 605
Казахстан	36916	19926	1939	7551	3397	333	9585	4590	409	56733
Киргизия	6038	3001	954	1191	646	146	971	275	321	9621
Китай	22034	22022	983	1802	1802	45	11 503	11 495	679	37 046
Таджикистан	17698	5442	1487	5196	4023	680	2802	767	315	28 178
Туркменистан	21028	18304	562	3260	3145	205	4428	2499	168	29 651
Узбекистан	43 449	35 609	1354	9051	7428	247	3499	1575	392	57 992
Украина	4914	3420	2232	946	600	583	998	631	243	9916
ИТОГО по основе обучения	163 921	117 467	11 529	50 532	41 891	2707	35 331	22 830	2871	

Составлено по: Минобрнауки России. (2022) Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.08.2023).

Заключение

Регионализм в сфере высшего образования обусловлен стремлением стран-участниц обеспечить доступность высшего образования, препятствовать оттоку умов и содействовать экономической интеграции (например, в МЕРКОСУР, АСЕАН, Африканском союзе), а также укрепить позиции группировки на мировом рынке услуг в области высшего образования (в ЕПВО или ЦАПВО).

Существование ЕПВО обеспечило рост совокупного экспорта услуг высшего образования его странами-участницами, но не привело к выравниванию показателей студенческой мобильности, хотя и абсолютное количество, и доля иностранных студентов в большинстве стран выросли. Членство в ЕПВО не ухудшило положения большинства стран в потоках международной студенческой мобильности и даже способствовало тому, что некоторым странам удалось со временем перейти от импорта к экспорту услуг высшего образования (например, Финляндии, Ирландии, Мальте, Польше, Турции, Словении). Однако последние трансформации имеют множественные причины, в том числе активизацию национальных усилий по содействию экспорту услуг в области высшего образования, что было на повестке Европейского пространства высшего образования с 2012 г. Ключевыми факторами, определяющими популярность систем высшего образования европейских стран — участниц ЕПВО среди иностранных студентов, остаются географическая близость, наличие некогда колониальных связей и общность языка, рост спроса на высшее образование в Китае и Индии.

Страны постсоветского пространства во многом остаются в орбите центростремительных потоков студенческой мобильности в своем регионе, хотя от них уже гораздо меньше зависят Азербайджан, Украина, Грузия и Молдова. На международную студенческую мобильность в данном регионе, помимо языкового фактора, влияют наличие исторических связей между странами и действующих социальных связей, а также экономический подтекст образовательной миграции, стимулировавший приток студентов в Россию. Кроме того, факторами привлекательности именно российского высшего образования стали как осведомленность и наличие социальных связей со страной (для граждан СНГ), так и соотношение цены и качества (для граждан третьих стран). В связи с этим блокировка участия России в ЕПВО вряд ли отпугнет абсолютное большинство иностранных студентов, но может затруднить достижение поставленных страной целевых показателей по экспорту услуг в области высшего образования на ближайшие годы.

Литература

- Альтбах, Ф. (2018) *Глобальные перспективы высшего образования*. Пер. Ю. Каптуревский, ред. А. Рябов. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Арефьев, А. Л. (2012) *Русский язык на рубеже XX–XXI веков*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Буторина, О. В. (2017) 'Региональная интеграция: основные понятия', в Буторина, О. В., Кавешников, Н. Ю. (ред.) *Европейская интеграция*. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, с. 14–29.
- Де Вит, Х. (2019) 'Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования', *Вопросы образования*, 2, с. 8–34. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-8-34>
- Краснова, Г. А. (2020) 'Нацпроект уперся в мягкую силу', *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/education/2020-02-26/8_7803_export.html (дата обращения: 18.07.2023).

- Лебедева, М. М. и Фор, Ж. (2009) 'Высшее образование как потенциал мягкой силы России', *Вестник МГИМО-Университета*, 6 (9), с. 200–205. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205>
- Лескина, Н. (2021) 'Европейский регионализм в сфере образования: от Болонского процесса к Сорбонскому', *Современная Европа*, 2, с. 158–166. <http://dx.doi.org/10.15211/sovereurope22021158166>
- Титаренко, Л. Г. и Заславская, М. И. (2020) 'Болонский процесс в Армении и Беларуси: успехи и проблемы', *Высшее образование в России*, 29 (4), с. 136–145. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-4-136-145>
- Торкунов, А. В. (2012) 'Образование как инструмент мягкой силы во внешней политике России', *Вестник МГИМО-Университета*, 4 (25), с. 85–93. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93>
- Asderaki, F. (2019) 'Researching the European Higher Education Area external effectiveness: Regime complexity and interplay', *European Journal of Higher Education*, 9 (1), pp. 40–57. <https://doi.org/10.1080/21568235.2018.1562951>
- Bischof, L. (2018) 'Effects of the Bologna Process on Quality Assurance Regimes in the Post-Soviet Space: Isomorphism and Path Dependencies in Moldova, Russia, and Kazakhstan', in Curaj, A., Deca, L. and Pricopie, R. (eds) *European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies*. Springer, pp. 77–93.
- Chankseliani, M. (2018) 'The politics of student mobility: Links between outbound student flows and the democratic development of post-Soviet Eurasia', *International Journal of Educational Development*, 62, pp. 281–288. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.07.006>
- Chao Jr., R. Y. (2011) 'Reflections on the Bologna Process: The making of an Asia Pacific Higher Education Area', *European Journal of Higher Education*, 1 (2–3), pp. 102–118. <https://doi.org/10.1080/21568235.2011.629040>
- Chou, M.-H. and Ravinet, P. (2017) 'Higher education regionalism in Europe and Southeast Asia: Comparing policy ideas', *Policy and Society*, 36 (1), pp. 143–159. <https://doi.org/10.1080/14494035.2017.1278874>
- Gille-Belova, O. (2015) 'Beyond the limits of the European Higher Education Area: The case of Belarus', *European Journal of Higher Education*, 5 (1), pp. 83–95. <https://doi.org/10.1080/21568235.2014.979848>
- Gladwell, M. (2011) 'The Order of Things: What college rankings really tell us', *The New Yorker*, 53, p. 370.
- Huisman, J. (2019) 'The Bologna process in European and post-Soviet higher education: Institutional legacies and policy adoption', *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 32 (4), pp. 465–480. <https://doi.org/10.1080/13511610.2019.1597686>
- Knight, J. and Woldegiorgis, E. T. (eds) (2017) *Regionalization of African Higher Education: Progress and Prospects*. Rotterdam; London; Taipei: Sense Publishers.
- Mäkinen, S. (2016) 'In Search of the Status of an Educational Great Power? Analysis of Russia's Educational Diplomacy Discourse', *Problems of Post-Communism*, 63 (3), pp. 183–196. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1172489>
- Marginson, S. (2011) 'Higher Education and Public Good', *Higher Education Quarterly*, 65 (4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2011.00496.x>
- Nefedova, A. (2021) 'Why International Students Choose to Study at Russia's Leading Universities', *Journal of Studies in International Education*, 25 (5), pp. 582–597. <https://doi.org/10.1177/1028315320963514>
- Platonova, D. and Semyonov, D. (2018) 'Russia: The Institutional Landscape of Russian Higher Education', in Huisman, J., Smolentseva, A., Froumin, I. (eds) *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries*. Palgrave Macmillan, pp. 337–362. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_13
- Pogorelskaya, A. M. (2023) 'Academic mobility for region-building and the creation of a Eurasian identity', *European Journal of Higher Education*, 13 (2), pp. 161–178. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2093240>
- Rincón, V. and Barrutia, J. (2017) 'International Demand for Spanish University Education: An analysis in the context of the European Higher Education Area', *European Journal of Education*, 52 (1), pp. 104–117. <https://doi.org/10.1111/ejed.12198>
- Ünal, U. (2019) 'Internationalization Policies of Turkey's Higher Education Area A Research on Turkey Graduates', *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 8 (1), pp. 411–430.

- Verger, A. and Hermo, J. P. (2010) 'The governance of higher education regionalisation: Comparative analysis of the Bologna Process and MERCOSUR-Educativo', *Globalisation, Societies and Education*, 8 (1), pp. 105–120. <https://doi.org/10.1080/14767720903574116>
- Zahavi, H. and Friedman, Y. (2019) 'The Bologna Process: An international higher education regime', *European Journal of Higher Education*, 9 (1), pp. 23–39. <https://doi.org/10.1080/21568235.2018.1561314>

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023

Статья рекомендована к печати: 15.02.2024

Контактная информация:

Погорельская Анастасия Михайловна — канд. ист. наук, доц.; pogorelskaya@mail.tsu.ru

Export of services by European Higher Education Area countries: Lessons for Russia*

M. Pogorelskaya

National Research Tomsk State University,
36, ul. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

For citation: Pogorelskaya, A. M. (2024) 'Export of services by European Higher Education Area countries: Lessons for Russia', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40 (2), pp. 273–299. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.207> (In Russian)

The article evaluates the influence of EHEA membership on the export of higher education services. Russia strived for joining the EHEA both for increasing the quality of higher education and its export. Due to the international situation since February 2022 Russian participation in the EHEA was blocked that made discussions about the necessity of remaining in the Area urgent. Thus, it is topical to identify possible consequences of leaving the EHEA for Russian export of higher education services. The article explores the consequences of EHEA membership for the export of higher education services by EHEA members as well as the factors influencing the geographical destinations of such export. The hypothesis is the following one: EHEA creation contributed to strengthening its general role at the world educational market, however, it did not change drastically the roles of its member-states that used to be both exporters and importers of higher education services. The article concludes that EHEA existence ensured the increase in common export of higher education services by the region but did not eliminate the differences of student mobility rates among the member-states. Nevertheless, the absolute numbers and the share of international students grew in most of these states. The research evaluates and forecasts the role of regional initiatives at the world market of higher education services. The research results may also be useful for evaluating projects of integration in higher education sphere as well as for elaborating the support tools for Russian export of higher education.

Keywords: export of educational services, European Higher Education Area, post-Soviet area, Russia, internationalization, system of higher education, international student mobility.

References

- Altbach, P. G. (2018) *Global Perspectives on Higher Education*. Rus. ed. Moscow: HSE Publ. (In Russian)
- Arefiev, A. L. (2012) *Russian language at the turn of 20th–21st centuries*. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga Publ. (In Russian)

* The study was funded by the Russian Science Foundation (RSF) grant no. 23-78-10036; <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>.

- Asderaki, F. (2019) 'Researching the European Higher Education Area external effectiveness: Regime complexity and interplay', *European Journal of Higher Education*, 9 (1), pp. 40–57. <https://doi.org/10.1080/21568235.2018.1562951>
- Bischof, L. (2018) 'Effects of the Bologna Process on Quality Assurance Regimes in the Post-Soviet Space: Isomorphism and Path Dependencies in Moldova, Russia, and Kazakhstan', in Curaj, A., Deca, L. and Pricopie, R. (eds) *European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies*. Springer, pp. 77–93.
- Butorina, O. V. (2017) 'Regional integration: The main terms', in Butorina, O. V. and Kaveshnikov, N. Yu. (eds) *Evropeiskaia integratsiia*. 2nd ed. Moscow: Aspekt-Press Publ., pp. 14–29. (In Russian)
- Chankseliani, M. (2018) 'The politics of student mobility: Links between outbound student flows and the democratic development of post-Soviet Eurasia', *International Journal of Educational Development*, 62, pp. 281–288. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.07.006>
- Chao, Jr., R. Y. (2011) 'Reflections on the Bologna Process: The making of an Asia Pacific Higher Education Area', *European Journal of Higher Education*, 1 (2–3), pp. 102–118. <https://doi.org/10.1080/21568235.2011.629040>
- Chou, M.-H. and Ravinet, P. (2017) 'Higher education regionalism in Europe and Southeast Asia: Comparing policy ideas', *Policy and Society*, 36 (1), pp. 143–159. <https://doi.org/10.1080/14494035.2017.1278874>
- De Wit, H. (2019) 'Evolving Concepts, Trends, and Challenges in the Internationalization of Higher Education in the World', *Educational Studies Moscow*, 2, pp. 8–34. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-8-34> (In Russian)
- Gille-Belova, O. (2015) 'Beyond the limits of the European Higher Education Area: The case of Belarus', *European Journal of Higher Education*, 5 (1), pp. 83–95. <https://doi.org/10.1080/21568235.2014.979848>
- Gladwell, M. (2011) 'The Order of Things: What college rankings really tell us', *The New Yorker*, 53, p. 370.
- Huisman, J. (2019) 'The Bologna process in European and post-Soviet higher education: Institutional legacies and policy adoption', *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 32 (4), pp. 465–480. <https://doi.org/10.1080/13511610.2019.1597686>
- Knight, J. and Woldegiorgis, E. T. (eds) (2017) *Regionalization of African Higher Education: Progress and Prospects*. Rotterdam; London; Taipei: Sense Publishers.
- Krasnova, G. A. (2020) 'The National Project In Being Hampered By Soft Power', *Nezavisimaia gazeta*. Available at: https://www.ng.ru/education/2020-02-26/8_7803_export.html (accessed: 18.07.2023) (In Russian)
- Lebedeva, M. M. and Fort, J. (2009) 'Higher Education as Soft Power Potential of Russia', *MGIMO Review of International Relations*, 6 (9), pp. 200–205. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205> (In Russian)
- Leskina, N. (2021) 'Higher Education Regionalism in Europe: From Bologna Process to Sorbonne', *Sovremennaia Evropa*, 2, pp. 158–166. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22021158166> (In Russian)
- Mäkinen, S. (2016) 'In Search of the Status of an Educational Great Power? Analysis of Russia's Educational Diplomacy Discourse', *Problems of Post-Communism*, 63 (3), pp. 183–196. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1172489>
- Marginson, S. (2011) 'Higher Education and Public Good', *Higher Education Quarterly*, 65 (4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2011.00496.x>
- Nefedova, A. (2021) 'Why International Students Choose to Study at Russia's Leading Universities', *Journal of Studies in International Education*, 25 (5), pp. 582–597. <https://doi.org/10.1177/1028315320963514>
- Platonova, D. and Semyonov, D. (2018) 'Russia: The Institutional Landscape of Russian Higher Education', in Huisman, J., Smolentseva, A., Froumin, I. (eds) *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries*. Palgrave Macmillan, pp. 337–362. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52980-6_13
- Pogorelskaya, A. M. (2023) 'Academic mobility for region-building and the creation of a Eurasian identity', *European Journal of Higher Education*, 13 (2), pp. 161–178. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2093240>
- Rincón, V. and Barrutia, J. (2017) 'International Demand for Spanish University Education: An analysis in the context of the European Higher Education Area', *European Journal of Education*, 52 (1), pp. 104–117. <https://doi.org/10.1111/ejed.12198>

- Titarenko, L. G. and Zaslavskaya, M. I. (2020) 'Bologna Process in Armenia and Belarus: Successes and Problems', *Higher Education in Russia*, 29 (4), pp. 136–145. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-4-136-145> (In Russian)
- Torkunov, A. V. (2012) 'Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy', *MGIMO Review of International Relations*, 4 (25), pp. 85–93. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93> (In Russian)
- Ünal, U. (2019) 'Internationalization Policies of Turkey's Higher Education Area A Research on Turkey Graduates', *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 8 (1), pp. 411–430.
- Verger, A. and Hermo, J. P. (2010) 'The governance of higher education regionalisation: Comparative analysis of the Bologna Process and MERCOSUR-Educativo', *Globalisation, Societies and Education*, 8 (1), pp. 105–120. <https://doi.org/10.1080/14767720903574116>
- Zahavi, H. and Friedman, Y. (2019) 'The Bologna Process: An international higher education regime', *European Journal of Higher Education*, 9 (1), pp. 23–39. <https://doi.org/10.1080/21568235.2018.1561314>

Received: 15.12.2023

Accepted: 15.02.2024

Author's information:

Anastasia M. Pogorelskaya — PhD in History, Associate Professor; pogorelskaya@mail.tsu.ru